

И. Н. Никаноров

**Полемика в федосеевском согласии в начале XIX в. по поводу
сборника «Отечские завещания» ***

Раскол в Русской Церкви в XVII в. – одно из ключевых событий в истории России и всегда привлекал внимание исследователей. В настоящее время интерес к старообрядчеству усиливается, так как актуальным стало исследование религиозного сознания и народной религиозности. Старообрядчество предоставляет большие возможности в этом плане, поскольку защитники старого обряда написали огромное количество сочинений, составили сборники, в которых нашли отражение политические взгляды и социальные чаяния авторов. Эти памятники письменности являются уникальными источниками, позволяющими исследовать общественное сознание части населения России. Один из них – сборник постоянного состава «Отечские завещания», составленный в начале XIX в. в центре федосеевского согласия – Преображенском кладбище, организованном в Москве во второй половине XVIII в. Роберт О. Крамми очень точно подметил, что появление нового типа столичной городской общины радикально изменило расстановку сил внутри старообрядчества. Из-за своего центрального положения, а также энергичности и богатства их основателей, такие общины быстро заняли лидирующее положение внутри движения ¹.

Наставники Преображенского кладбища стремились сделать свою общину влиятельным центром во всем старообрядческом движении. Чтобы подвести под это идеологические основания, необходимо было составить текст, который бы зафиксировал не только особенности вероучения федосеевцев, но и служил руководством к действию для региональных общин. Для этого они обратились к федосеевским сочинениям, а также к творческому наследию двух родственных согласий – поморского и филипповского. Итогом этой работы стал сборник, составленный из сочинений различных жанров и соборных постановлений, которые федосеевцы в начале XIX в. считали наиболее авторитетными. Об этом позволяет говорить уже название сборника – «Отечские завещания», то есть составителями предложено воспринимать эти тексты в качестве «заветов» авторитетных лидеров старообрядческого движения, наряду с

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для поддержки ведущих научных школ (НШ-2318.2012.6).

¹ *Robert O. Crumney Old Believer Communities Ideals and Structures // Old Believers in a Changing World. Illinois, 2010. С. 109.*

Никаноров Иван Николаевич, магистрант Новосибирского государственного университета.
E-mail: nikanorov1203@ya.ru

© И. В. Никаноров, 2012

произведениями святоотеческой традиции. Тексты, включенные в сборник, отражают эволюцию федосеевского учения: от сочинений основателя согласия до современности, которая нашла отражение в постановлениях московских соборов. Особенности вероучения представлены в контексте полемики с родственными согласиями.

Девятого мая 1805 г. сборник «Отеческие завещания» в составе 44-х глав был соборно одобрен на Преображенском кладбище¹. Несмотря на это, сразу начались споры по поводу содержания сборника. Итогом этой полемики стало включение в сборник дополнительно еще 16-ти глав. Анализ их содержания позволяет проследить, какие вопросы стали для федосеевцев наиболее дискуссионными в начале XIX в.

Наиболее острые споры вызвали главы сборника, посвященные взаимоотношениям федосеевцев и филипповцев. Особую остроту отношениям между федосеевцами и филипповцами придало совершенно незадолго до соборного принятия «Отеческих завещаний» подписание мирного соглашения между московскими федосеевцами во главе с И. А. Ковылиным и московской «балчужной» общиной филипповцев. Эти примирительные статьи были включены в сборник «Отеческие завещания» в качестве 32-й главы. Мирное соглашение с филипповцами, заключенное в Петербурге в 1791 г., составило 11-ю главу. Для оправдания этих мирных соглашений в сборник «Отеческие завещания» было включено в качестве 51-й главы филипповское сочинение «Оправдание церковного соединения в Петербурге верных», написанное в 1796 г (л. 340 об. – 362). Перед текстом сочинения помещена следующая пояснительная запись: «Предлежащая о церковном соединении оправдательная книга; составлена бысть в Петербурге, по прошению многих христиан, для установления неких колеблющихся о христианской душе. И в подкрепление предложенных одиннадцати примирительных статей». Сочинение состоит из введения и трех глав. В преамбуле автор поясняет план книги и ее структуру: «Первая статья покажет, коль тяжек есть грех церковного раздора. Вторая явит, как должно пещись о церковном соединении. А третья уверит, что и в раздорах скончавшихся христианы, по соединении, соборная Церковь их с правоверными поминает» (л. 342).

Из преамбулы становится понятно, что первые две главы посвящены увещанию противников соединения федосеевцев и филипповцев. Для этого автор обратился к ранней истории Церкви и привел ссылки на авторитетные святоотеческие тексты. Далее он использовал сочинения Андрея Денисова², кото-

¹ БАН, собр. Дружинина, № 701, л. 1 – 287 об. Далее ссылки на листы этой рукописи даны в тексте в круглых скобках.

² О нем см., например: Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 1. С. 7–42.

рый будучи представителем первого поколения выговцев, стоял у истоков беспоповского учения и поэтому был особо авторитетен для филипповцев, репрезентовавших себя в качестве хранителей традиции первых выговских отцов¹. Включение этого письма в сборник позволило составителям подчеркнуть стремление первых выговцев к миру с федосеевцами, а также процитировать положительные отзывы выговского киновиарха о Феодосии Васильеве и его последователях.

Третья глава сочинения посвящена проблеме почитания Феодосия Васильева среди филипповцев. Филипповцы – противники объединения с федосеевцами указывали, что именно Феодосий Васильев учинил раскол с Выгом в 1706 г., и на этом основании они отрицали возможность его поминовения². Вероятно, оправдание почитания Феодосия Васильева было важнейшей целью книги, о чем позволяет судить уже то, что объем третьей главы существенно больше двух других. Автор, обращаясь к католическому историческому сочинению католика Цезаря Барония³, приводит множество примеров из истории раннего христианства, когда скончавшиеся «в раздорах» после смерти могли почитаться с «верными». Автор резюмирует, что «доброхотный читатель явственно познает, в раздорах оных скончавшиеся христиане по церковном соединении в поминовение приняты... <...> Святые соединении отцы собором великий той грех (разделения – прим. И. Н.), по смерти им отпусти и к соборне святыя Церкви их соедини» (л. 355).

Далее автор отмечает, что миротворческий собор между федосеевцами и поморцами, происшедший в 1727 г., тоже позволяет почитать Феодосия Васильева: «По учиненным с федосеевцами 7235 году мире, Феодосия Васильева и других страдальцев, для вечного их поминовения, в общежительных сиондики своя вложиша. В коих и поныне зрятя всеми» (л. 355 об. – 356). Включение в состав сборника «Отеческие завещания» сочинения «Оправдание церковного соединения в Петербурге верных», придавало ему особый авторитет, и должно было поставить точку в спорах вокруг мирных соединений с филипповцами в 1791 г. и в 1803 г. и почитания Феодосия Васильева. Для составителей «Отеческих завещаний» данное сочинение было очень

¹ Подробнее об этом: *Старообрядчество*: Лица, предметы, события и символы: Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С 274, 289.; *Мальцев А. И.* Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII – начале XIX в.: Проблема взаимоотношений. Новосибирск, 2006. С. 218–221.

² См. подробнее: *Мальцев А. И.* Старообрядческие беспоповские согласия... С. 239–242.

³ Церковные анналы Цезаря Барония широко использовались украинскими полемистами, в том числе Захарией Копыстенским. Старообрядец-беспоповец Игнатий сделал перевод «Анналов» на церковнослав. язык, этот перевод имел широкое хождение среди беспоповцев (назывался: «Годовые дела церковные от Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, вновь переведенные, нужнейшие вещи из Барониуса, второго друкования»).

авторитетно, так как последующие главы выстроены так, чтобы дополнять и аргументировать идеи, сформулированные в нем.

Главы 52-я и 53-я «Отеческих завещаний» представляют собой копии писем Андрея Денисова, обращенные к федосеевцам, в которых обсуждается вопрос «о титле на кресте», представлявший одну из основных проблем в отношениях между двумя согласиями. В Петербурге в 1791 г. федосеевцы согласились с филипповским учением о титле на кресте, то есть приняли поморский вариант, и постановили отлучать тех, кто упорно защищает титулу «ИИЦ». Включение в состав сборника «Отеческие завещания» двух писем выговского киновиарха должно было подвести читателей к выводу, что главное препятствие примирения, обозначенное таким авторитетным лицом, как Андрей Денисов, устранено.

Последующие главы, по замыслу составителей, должны были дополнить аргументацию возможности поминовения Феодосия Васильева. Примечательной в этом плане является глава 55-я, представляющая копию письма Алексея Яковлева (Балчужного), адресованного главе филипповской общины Архангельска Тимофею Ефимову (л. 364–367). В нем отстаивается возможность поминовения филипповцами Феодосия Васильева, и указывается, что первые выговские отцы этого не запрещали. Это письмо было написано Алексеем Яковлевым в 1797 г., когда он по отношению к федосеевцам был достаточно доброжелательно настроен и не исключал возможности мирного соединения с ними. После 1803 г. Алексей Яковлев занял крайне недружественную позицию по отношению к федосеевцам. Это письмо не только укрепляло позицию федосеевцев, но и позволяло упрекнуть идейного противника в непоследовательности.

Далее составители сборника поместили в качестве 58-й главы письмо Петра Федорова филипповскому наставнику Семену Михайловичу, в котором для читателя прояснялась причина подобного поведения Алексея Балчужного. В нем он характеризуется как человек высокомерный. Автор письма считает, что это обстоятельство и послужило причиной изменения его отношения к федосеевцам: «...когда некоторые от их согласия вознамерились учинить мир с Кладбищем, а его передовым не поставили, тогда он поднял прежнее свое охульное с поношением на Федосея и все его согласие» (л. 370 об. – 371).

Аргументировать мысль о первоначально терпимом отношении филипповцев к федосеевцам и признании возможности поминовения Феодосия Васильева составителям позволило включение в качестве 57-й главы копии письма одного из основателей филипповской общины Москвы – Михаила Григорьева¹, адресованного Григорию и Алексею Яковлевым. Автор требо-

¹ В 40-х – 50-х годах XVIII в. Михаил Григорьев был самым влиятельным поморским наставником г. Москвы, скорее всего, он возглавлял московскую поморскую общину. Он был одним из главных

вал прекратить квалифицировать поморцев и федосеевцев как еретиков, указывая, что «такового мудрования у поморских отцов которые были до Самарина не было» (л. 368). Крайне спорной ему казалась идея дополнения крещения поморцев и федосеевцев сорокодневным постом, заменявшим миропомазание. Он отмечал, что шестинедельный пост впервые стал применяться иноком Терентием, учеником старца Филиппа, от него эта идея была воспринята петербургским наставником Федором Михайловым, а затем – «балчужными». Знаменитые же поморские отцы – братья Андрей и Семен Денисовы, Даниил Викулин, Петр Прокопьев – никогда не применяли подобных правил при приеме в согласие и никогда не называли федосеевцев еретиками. Из этого рассуждения следует, что авторитет первых выговских отцов для автора был выше, чем авторитет основателя согласия – старца Филиппа¹. В завершение своего письма, Михаил Григорьев характеризует его так: «Филипп старец из монастыря вышел до Самарина. А еще тропаря в монастыре не было. Не богословных ради вин старец Филипп из монастыря вышел, но яко человек, по пристрастию» (л. 368 об.). Приведенная цитата позволяет говорить о неоднозначном отношении к старцу Филиппу даже среди некоторых его последователей.

Эта тема была развита в другом сочинении, включенном в сборник «Отечские завещания» – «Известии о Филиппе старце», целиком посвященном критическому разбору биографии старца Филиппа. Оно является переработанной главой из знаменитой «Истории Выговской пустыни»² Ивана Филиппова³. Старец характеризуется в ней как честолюбец, желавший занять после смерти Даниила Викулина его место. Симеон Денисов, как сообщается в сочинении, якобы «увещевал его», но не добился нужного ему результата: «Он (старец Филипп – прим. *И. Н.*) же вме-

действующих лиц поморских и поморско-федосеевских соборов, проходивших в Москве, часто ездил на Выг. Вместе с другими московскими поморцами – братьями Григорием и Алексеем Яковлевыми, иноками Корнилием и Варлаамом – Михаил Григорьев участвовал в формировании московской филипповской общины. О нем подробнее: *Мальцев А. И.* Проблемы взаимоотношений старообрядцев филипповского и поморского согласий во второй половине XVIII в. // *Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время.* Новосибирск, 2000. С. 144–150.

¹ О нем подробнее: *Смирнов П. С.* Споры в расколе во второй четверти XVIII века // *Христианское чтение.* 1911. № 3. С. 338–346; *Демкова Н. С., Титова Л. В.* Малоизвестное старообрядческое сочинение середины XVIII в. «История пострадавших отец Филиппа и Терентия» // *Демкова Н. С.* Сочинения протопопа Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества: Материалы и исследования. СПб., 1998. С. 308–326; *Гурьянова Н. С.* Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск. 1991. С. 178–192.

² Изд.: *История* Выговской старообрядческой пустыни: Издана по рукописи Ивана Филиппова. СПб., 1862. Подробнее о ней см., например: *Гурьянова Н. С.* История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII в. Новосибирск, 1996. С. 19–48.

³ *Летописцы* и историки XI–XVII вв. // *Труды Отдела древнерусской литературы.* Л., 1985. Т. XXXIX. С. 42–43.

сто послушания, неповиновение являше и отеческому увещанию никакo же преклоняшeся» (л. 374). Далeе сообщается, что он выехал в скит близ Лексы, где принял руководство своими сторонниками. Вскоре на Выгу состоялся собор, осудивший старца Филиппа, как подчеркивает автор, «прежде приезда Самарина за три года». В сочинении утверждается, что выход Филиппа из Выговского общежительства был связан исключительно с его амбициями, а не с введением моления за государственную власть. Включение этого сочинения в «Отеческие завещания» после ряда глав посвященных защите поминовения Феодосия Васильева не случайно. Как мы уже отметили выше, главным аргументом против поминовения Феодосия Васильева филипповцы выдвигали то обстоятельство, что он учинил раскол с первыми выговскими отцами. Федосеевцы, опираясь на это поморское сочинение, подчеркивали, что старец Филипп тоже сотворил раскол с выговцами еще до введения ими моления за государственную власть. Филипповцы тем самым лишались аргумента в дискуссии о возможности поминовения Феодосия Васильева.

Таким образом, тематический блок, посвященный проблеме защиты мира с филипповцами, был хорошо структурирован составителями сборника. Авторитетные сочинения были подобраны таким образом, что читатель должен был сделать вывод о соответствии федосеевского учения традициям раннего Выга, возможности поминовения Феодосия Васильева и установления мирных отношений с филипповцами.

Второй условно выделенный нами тематический блок посвящен проблеме взаимоотношений центра федосеевского согласия – Преображенского кладбища и региональных общин. К концу XVIII в. часть региональных общин, признавая в целом авторитет Преображенского кладбища, пыталась решать некоторые вопросы по-своему, например, иначе решать проблему отношения к браку¹. Эти дезинтеграционные процессы стали серьезной проблемой для наставников Преображенского кладбища и требовали решения.

Три главы (46–48) сборника «Отеческие завещания» представляют собой послания к региональным общинам. Анализ этих посланий позволяет прояснить проблему взаимоотношений между центром и региональными общинами. Первым из них помещено письмо от наставников Преображенского кладбища, адресованное Михаилу Кирилловичу. Послание представляет собой ответы на ранее полученные от него вопросы, посвященные проблеме брака: «Благодарствуем твоему братолюбию за новыя письменныя презенты, или яснее сказать,

¹ Об отношении к браку федосеевцев в XVIII–нач. XIX в. см., например: Агеева Е. А. Старообрядческий полемический сборник XIX века: К вопросу о браке у старообрядцев // Вестник церковной истории 2011. № 3/4. С. 191–218; Нильский И. Ф. Семейная жизнь в русском расколе: исторический очерк раскольнического учения о браке. Ч. 1. СПб., 1869. С. 200–270.

подарки вопросныя, о новосостоявшихся, а поистине плача и слез достойных новобрачных светных» (л. 298). Авторы структурно разделили послание на преамбулу и четыре ответа. В преамбуле сформулировано отношение к браку в целом. С сожалением констатируется увеличение количества браков «беззаконных» и отмечается, что «изыти велит божий глас нея сии есть из вавилона мира, а не брачиться в нем: целомудрствовати, а не жен и браков многоззорных искати и детей наживати» (л. 300). Авторы привели аргументы в защиту безбрачия, поясняя адресатам, что в наставшие «последние времена» надлежит заботиться лишь о спасении собственной души.

Первые три ответа излагают традиционную для федосеевцев точку зрения на брак. Интерес представляет четвертый ответ, так как в нем зафиксировано появление среди федосеевцев защитников «новоженства» – браков заключенных после перехода в федосеевское согласие: «А еже от наших нам согласныя в самоизвольные им браки вступить изволивши Семены и Василии. От них же услышится нам точию де с родительскаго благословения таковое понятие. Жен и деток прижитие по их мнению посуждены бытии безгрешны» (л. 302 об. – 303). Данная цитата указывает на конкретные факты оправдания брака, и позволяет говорить о том, что среди представителей региональных общин вопрос о браке не был однозначным. Авторы указывают, что защитники браков должны быть отлучены, так как их точка зрения по поводу «новоженства» противоречит учению федосеевских отцов. Затем приведены различные аргументы, показывающие ложность и пагубность подобных взглядов, подчеркивается их опасность для федосеевской общины и Михаилу Кирилловичу предписывается уберечь от такового учения «христиан».

Проблеме брака посвящена и следующая глава, в которой скопировано послание настоятеля Преображенского кладбища Ильи Ивановича к саратовской федосеевской общине. Помимо сходного с предыдущей главой изложения учения о браке, в послании поднимается также вопрос о взаимоотношении федосеевцев и поморцев в контексте проблемы брака. Илья Иванович с особым пиететом отзывается о первых выговских отцах, заявляя: «...мы к их учению ничего не прилагаем и ничего не отлагаем, но всеусердно их учение соблюдаем» (л. 305). Современные же поморцы обвиняются им в отходе после смерти Андрея Денисова от учения своих основателей¹. Среди «отступлений» выговцев Илья Иванович указывает на принятие «новоженов» в общину без развода, особо подчеркнуто, что такого «при Андрее Дионисеевиче не было» (л. 306). Автор умело использовал авторитет выговского киновиарха для обоснования собственной позиции и федосеевского учения о браке.

¹ Об изменении отношения поморцев к браку: *Хвальковский А. В., Юхименко Е. М.* Поморское староверие в Москве // *Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): Сб. науч. трудов.* М., 1999. С. 315–316.; *Нильский И. Ф.* Семейная жизнь... Ч. 1. С. 157–199.

Послание Ильи Ковылина к странствующему федосеевскому наставнику Ивану Максимовичу, вошедшему в сборник «Отеческие завещания» в качестве 48-й главы развивает далее тему отношения федосеевцев к браку и «новоженам». Для удобства читающего, послание разделено на статьи. В нем рассмотрены близкие с вопросом о проблеме брака, в частности, вопрос о крещении детей «новоженов». Автор письма считал, что крестить таких детей можно лишь в случае обещания родителей разойтись. При этом наставник должен был обращать внимание на благочестие родителей: «Которыя не хранят святых постов и живут бесчестно, у таковых детей не крестить» (л. 308).

Анализ содержания посланий наставников Преображенского кладбища, адресованные региональным общинам, позволяет сделать вывод о том, что наиболее актуальной в федосеевском согласии начала XIX в. проблемой было отношение к браку. Как мы уже отмечали, некоторые региональные общины стремились самостоятельно решить вопрос о браке, и поэтому первостепенной задачей для наставников Преображенского кладбища стала борьба с «новоженством». В сборник «Отеческие завещания» были последовательно включены три послания, в которых представлено отрицательное отношение Преображенских наставников к браку в качестве официальной точки зрения федосеевцев.

Дискуссии вокруг «Отеческих завещаний» были обусловлены включением в состав сборника Польского устава 1751 г., который был авторитетным сводом правил для федосеевской общины. Он был принят во враждебном католическом окружении и поэтому не отвечал реалиям жизни федосеевцев в крупных городах Российской империи. В результате дискуссий, федосеевцы пришли к выводу, что в предпринятых в сборнике разъяснениях Польского устава недостаточно, так как они не охватывают всех особенностей современной жизни общины. По этой причине в 1809 г. в Петербурге был созван собор, результатом которого стали 17 статей Петербургского постановления. Они включены в сборник «Отеческие завещания» в качестве 60-й главы¹.

Работа над сборником «Отеческие завещания» после его соборного одобрения, позволяет проследить наиболее дискуссионные вопросы во внутренней полемике федосеевского согласия. Польский устав, включенный в сборник в качестве центрального текста, зафиксировал ранний вариант федосеевского учения, что привело к дискуссии вокруг примирения с филипповцами и вопроса о браке. Дополнительные 16 глав сборника позволили обосновать примирение федосеевцев и филипповцев, сформулировать официальную точку зрения на брак, а также адаптировать к социально-экономическим отношениям Нового времени ключевой текст федосеевской идеологии – Польский устав.

¹ Подробнее об этом: *Никаноров И. Н.* Сборник «Отеческие завещания» и постановление петербургского собора 1809 года // Материалы 50-й Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: История. Новосибирск, 2012. С. 123.